Персональная колонка

Труд - 1993
Нояб. С.1

Театральный разъезд

А что такое — «разъезд»? В бытовом-то плане все понятно: меняют квартиры по разным семейным обстоятельствам: одну большую — на две-три поменьше. В плане техническом, согласно энциклопедии, это «раздвоение однополейного ж.-д. пути, позволяющее разъехаться встречным поездам». В плане же культуры — вечерний исход публики из храмов искусства после окончания представлений.

Происходящее ныне на российском театре ближе все-таки к терминам техническим: все чаще наблюдаем грустное развитие событий в труппах известных, популярных и уважаемых. Событий, при которых поезд единомышленников начинает вдруг раздваиваться, и «половинки» уходят в разные стороны, движутся к разным станциям назначения.

Самый удручающий пример — раздор в Театре на Таганке, едва ли не самом ярком явлении дерзкого, ломающего каноны творчества.

Вспомните, вспомните: «Павшие и живые», «Десять дней...», «Пугачев», «Три сестры», «Антимиры»...

Вспомните ночи, «теплые огни» — короткие майские, долгие зимние, промозглые осенние. Тысячи людей простаивали часами в длиннющих очередях за билетиком. Как же редко он доставался и как же радовались, даже попав на страшно неудобные места, возможности стать зрителем премьеры не где-нибудь — на Таганке!

Самые преданные, навсегда отдавшие сердце театру зрители собирались после спектаклей у служебного входа, ждали любимцев, чтобы еще раз увидеть их уже без грима. Высоцкого и Славину, Золотухина и Филатова, Губенко и... и конечно, импозантного Любимова, Лидера, одаренного выдумщика, неистощимого на непременные театральные находки. Мишень для бесконечного обстрела искусствоведов в штатском.

И вот, как на печальном полотне, все — в прошлом. А в настоящем — раскол, непримиримая схватка людей, раньше накрепко спаянных узами творческой и человеческой дружбы. Судебные иски, дележ помещений, кассы. Дележ душ и сердец труппы. Хотя можно ли их, души и сердца, — надвое?

Николай Губенко, когда-то насмерть бившийся с комвластями за возвращение Юрия Любимова из заграничного небытия, разговаривает с учителем ну... не как с жестоким врагом, но как с неприятелем — точно. Учитель отвечает тем же.

Скандал тиражируется газетами, спор непримиримых — во всех почти программах ТВ... Дальше-то что? Останется ли время и место на собственно театральную работу или же все «съест» конфликт, замешанный по сути на коммерции?

Обо всем говорят и вспоминают спорящие, менее всего — о нас, зрителях, оставшихся где-то на обочине, вдали от главного — новых интересных спектаклей.

~~Таганка~~ — не частный случай. Подобная ситуация — в Театре киноактера, где имущественный фактор, касающийся в основном прекрасного здания в центре столицы (кусок лакомый!), «задвинул» все остальное. Как же, Господи, стыдно и больно видеть кумиров, ставших по воле дельцов по разные стороны сцены-баррикады. Читатели помнят, наверное, снимок в «Труде», на котором запечатлен не кадр из фильма с участием обаятельной Марины Ладыниной, а момент, когда народную артистку выдворяют из здания Театра киноактера дюжие охранники. Посмеялись и здесь: поделили труппу на «чистых» и «нечистых»...

Почему так происходит? И волнует ли происходящее кого-то? Значит, прав Леонид Филатов, пессимистично заметивший: «Культура сегодня никому не нужна»? Ни политикам, до слепой уже ярости схлестнувшимся в поединке — без соблюдения всяких норм и приличий. Ни бизнесменам, ищущим в искусстве только возможность быстрого и крупного заработка. Ни рядовым людям, которые озабочены сугубо земными делами. Последних-то и винить рука не поднимается — не до зрелищ, когда с хлебом туго...

Для меня символ тяжкой болезни театра — пожар. Пустые глазницы окон сгоревшего ВТО. Свежее пепелище на месте театра в подмосковном Пушкине. Обугленный остов Зеленого театра (сад Эрмитаж). Едва не занявшийся недавно Большой. Горим, братцы, горим...

Особо озадачиваться, конечно, не стоит: ясно, что положение театра, искусства вообще — слепок, копия остроты ситуации, сложившейся в российской политике, экономике, социальной и других сферах.

Уверен, однако, что отстраненность власти от заботы о духовном здоровье общества — недопустима. Если не преступна. И не в том эта забота должна проявляться, когда, к примеру, полуграмотные чинуши тратят миллиарды, тасуя названия улиц и площадей. Не озаботившись даже проверить, как точно величают проспект или переулок. Да и кощунственно в одной «монаршей» куче смешивать имена великих писателей и военных инквизиторов...

...Но что-то дает надежду на лучшее, на благотворные перемены. Что же?

Во-первых, общее число российских театров — более 350 — не сокращается. Не беру в счет растущие, как грибы под августовским дождиком, студийные коллективы — числом около тысячи.

Во-вторых, поклонники Мельпомены по-прежнему рвутся на свидание с кумирами, и очереди к билетным кассам не поредели, не уменьшились. Такие очереди можно только приветствовать, и они говорят о том, что не все еще потеряно.

Виктор ГОРЛЕНКО.